

Ярослав Могутин

Меск. правда, 1995.

4 февр. № 5.

АЛЕКСАНДР НЕВЗОРОВ В ПОИСКАХ ЛЮБВИ

“Если б я имел коня — это был бы номер, а вот если б коня имел меня — я б, наверно, помер!” Почему-то именно этот детский стишок показался мне хорошим началом для статьи о любимце женщин балзаковского возраста **Александре Невзорове**.

Любовь Невзорова к лошадям общеизвестна. Однако ж Александр Глебович не только не помер, напротив — так и пышет здоровьем и благополучием, чего, кажется, и всем своим зрителям, поклонникам, избирателям желает.

Да, внешностью он не обижен: холеный, ухоженный, всегда чуть-чуть лоснящийся, с аккуратно причесанными волосами. Мало у нас таких депутатов. Да что там депутатов, скажем шире: мало у нас таких! На блатном жаргоне юношей с “конфетной” внешностью, как у Невзорова, называют “красюками”. Пользовался бы большим успехом на зоне, к нему на “прием” выстраивались бы в очередь. Вот это популярность, вот это карьера!

Впрочем, ему и так неплохо, совсем неплохо. Общается с оппозиционерами, непреклонными борцами, непоколебимыми революционерами, одним словом — настоящими мужчинами с мужественными, обветренными лицами. Чего еще желать?! Пользуясь своим положением “на всю катушку”, до потери сознания!

Не я первый заметил,

что имидж Невзорова, его приязнь к кожанкам и черным цветам безошибочно указывает, с одной стороны (не знаю — спереди или сзади), на садомазохистские наклонности, с другой — на некрофильский характер (если пользоваться координатами **Эриха Фромма**). Имидж мрачноватый, но, к сожалению, не такой уж редкий в наше время. Все говорит за то, что внешний облик “кожаного Шурика” полностью соответствует его содержанию. И все бы ничего, если бы он сам в этом признался и был искренним и для себя, и для других. А нет, “положение не позволяет” вести нормальную сексуальную жизнь, не таясь и не скрываясь. На этой-то почве, похоже, и развились все его гомофобные комплексы.

Известно, что Невзоров был одним из первых криминальных репортеров, настоящим профессионалом своего дела, своей темы. Телевизионный стервятник (или шакал — если угодно): как только какое убийство, изнасилование, кровь, жестокость — сразу туда, быстрее урвать свою долю славы, удачи и добычи у настоящего хищника — какого-нибудь очередного чикатилы. Тем и стал знаменит.

Невзоров, один из всех наших репортеров, напоминал героиню из последнего фильма **Альмадовара**: у нее телекамера была изящным элементом головного убора, и на место преступления она прибывала еще до его начала. Чем ужаснее преступление (а она уже сама могла влиять на это), тем лучше репортаж, выше ставки гонораров и рейтинг популярности. Уже в первых невзоровских репортажах жертвами были не только девочки, но и мальчики. Таким образом “секундомер” (термин “секундомер” залитован на страницах московской прессы — МК, МП, НВ — журналистом “Нового Взгляда” **Андреем Ванденко**. — Ред.) Невзоров, истый борец с мировым гомосексуализмом, демонстрировал своим зрителям, чем опасна эта “западная чума”: совращение несовершеннолетних, педофилия, проституция, грязные притоны, убийства на гомосексуальной почве и т.д.

С самого начала

Невзоров заявил о себе как сторонник теории о том, что гомосексуализм — иностранная болезнь, а СПИД русскому человеку вообще не страшен. Даже в те времена, когда каждый выход в эфир становился для него и его сторонников победой чуть ли не политической важности, ввиду постоянных конфликтов с истой демократкой **Бэллой Курковой**, “голубой” теме в “Секундах” уделялось неоправданно пристальное внимание (то бишь — драгоценное эфирное время). (По этому поводу есть хорошая поговорка (или пословица) “У кого что болит, тот о том и говорит!” Или вот еще: “Кто о чем, а вшивый о бане!”)

То Невзоров пафосно клеймит постановку петербургского хореографа **Бориса Эйфмана** на сюжет “секретных” мотивов биографии **Чайковского** в том смысле, что “они хотят натянуть на великого русского гения хламиду сексуального извращения”, и ему вторит орденноносный **Игорь Горбачев**, бессменный руководитель Театра драмы имени Пушкина: “Музыка Чайковского настолько высокохудожественна,

что только люди с абсолютно извращенным сознанием способны найти в ней какую-либо патологию!” То в очередной раз (в разгар октябрьских событий, когда, казалось бы, были темы и поважней!) демонстрируется некий маньяк, склонявшийся к сексу больше десятка мальчиков, демонстрируются и сами эти мальчики с несчастными лицами, негодующий Шурик интервьюирует маньяка, задавая вопросы чуть ли не матом, насильник явно психически больной или какой-то подставленный смертник, которому нечего терять, вяло оправдывается (“их никто не заставлял, они сами приходили и раздевались с порога, им это нравилось...”). Далее следует пафосная речь Невзорова, праведная дрожь в голосе, возделенные интонации при упоминании о “разорванных в кровь попках”...

То, что провокация

— понятно. Но зачем? На кого рассчитаны такие репортажи в и без того до предела гомофобной стране? На фанатичных поклонниц Невзорова, климатических старух-пенсioenек, которые бы с восторгом поддержали его, даже если бы он выступил с лозунгом “В России секса нет!” или “Нет сексу в России!”?

По своему характеру Невзоров очень похож на персонажа **Григория Климова**, на тех милиционеров, которые работали на Петровке в специальном отделе по борьбе с гомосексуализмом, существовавшем вплоть до отмены пресловутой 121-й статьи. Пока это было возможно, они боролись с гомосексуализмом “не на жизнь, а на смерть”. У меня есть свидетельства ребят, которых насиловали на столе или где придется прямо там, на Петровке.

Но то — настоящие хищники, насильники и садисты. Невзоров же, как было сказано выше, хищник помельче, потрусливый. Он скорее теоретик борьбы с гомосексуализмом, нежели практик. Те менты были практиками.

Зато сколько удовольствия ему доставляет общение с партийными товарищами! Невзоров — из тех, кто любую “революционную ситуацию” или просто криминальное происшествие рассматривает как повод, предлог, подходящий случай для групповухи. Об октябрьских событиях 93-го года писали очень много, но никогда — о сексуальном аспекте всего происходившего в Белом доме и вокруг него. Ведь там были не только “боевые подруги”! Один 19-летний парень, находившийся там столько, сколько это было возможно, рассказал мне только один эпизод: “Легли спать. На полу, укрывшись га-

зетами. Пули свистят. И вдруг я чувствую сквозь сон, что кто-то мне онанирует. Просыпаюсь, смотрю, а это... (один из ближайших друзей и помощников **Ильи Константинова**, главы “Фронта национального спасения”). Я ему говорю: “Да успокойтесь вы!” А он смутился и стал меня спрашивать, где я живу, как меня найти, какой у меня номер телефона...”

Уверен, что Невзоров

собрал в Белом доме много такого “горючего” материала. Романтика, будет что вспомнить!

В одном из последних интервью Невзорову был задан вопрос, как он относится к книге **Лимонова** “Лимонов против Жириновского”, где содержится нелестная его характеристика. “Когда меня ругают гомосексуалисты, я отношусь к этому спокойно, — ответил Шурик. — Даже воспринимаю это как комплимент. Лимонов — простой большой мальчик-гомосексуалист. Он может сказать все, что угодно. Я не враг гомосексуалистов, но надо признаться — отвращение у меня они вызывают сильное”.

Дело не в том, что Невзоров назвал “большим мальчиком” человека старше себя и талантливей, что добавляет к уже перечисленным его комплексам еще и манию величия. Если судить только по сюжетам, то Невзорова, уделившего “голубой” теме очень значительное место в своем творчестве, можно назвать “большим мальчиком” и “мальчиком-гомосексуалистом” с гораздо большими основаниями, нежели Лимонова, посвятившего гомосексуальным описаниям лишь несколько эпизодов в одной из многочисленных своих книг.

Конечно, дело не в Лимонове. Выпад Невзорова в его адрес — лишь очередное подтверждение комплексов самого “кожаного Шурика”. В его словах чувствуется некая зависть — нет, не к Лимонову даже, а к его герою, Эдикке, которому так крупно повезло с негром, да не с одним! Ему же, бедному, приходится довольствоваться теорией.

Гомофобия — это болезнь, присущая людям с нерезализованными гомосексуальными наклонностями, комплекс, доставляющий неудобства не столько гомосексуалистам, сколько носителям этого комплекса, являющимся латентными гомосексуалистами (Фрейд).

Бедный, бедный Шурик, любитель лошадей и патристических мужчин! А может — на зону? Там все комплексы исчезнут в два счета, ну, в крайнем случае, в три.

